

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДСЦЕНОГРАФИИ В РИТУАЛЬНО-ОБРЯДОВЫХ И ПРАЗДНИЧНЫХ ДЕЙСТВАХ МОРДВЫ

Антипкина Елена Николаевна,

*кандидат философских наук,
доцент кафедры театрального искусства
и народной художественной культуры,
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), elana19@mail.ru*

Прокаева Ольга Николаевна,

*кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии
и библиотечно-информационных ресурсов
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), olga197719@rambler.ru*

Введение. Ритуально-обрядовые и праздничные действия мордвы – это сфера концентрации и репрезентации духовно-нравственных и ценностно-мировоззренческих представлений народа. В них заложены истоки театра и сценографии как видов искусства. Однако рассматривать их как самостоятельные виды искусства в современном значении нельзя, поскольку они существовали в формах театрализации (предтеатра) и предсценографии. В данной статье предметом исследования является специфика функционирования предсценографии в ритуально-обрядовых и праздничных действиях мордвы, а также ее основные функции: персонажная, обозначения места действия и игровая.

Материалы и методы. Теоретическим материалом исследования послужили работы ученых в области театра и сценографии. Достоверность и научная обоснованность результатов обеспечиваются социокультурным подходом, а также системно-типологическим, аналитическим методами и методом интерпретации.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате исследования особенностей предсценографии в ритуально-обрядовых и праздничных действиях мордвы выделены три ее функции. Персонажная функция заключалась в выявлении характера персонажей, включая метафорические образы, явления и продукты природы, антропоморфные и зооморфные образы, а также предметы материальной культуры. Функция обозначения места действия распространялась на окружающую человека среду, а также производственное и бытовое пространства. Игровая функция предполагала перевоплощение исполнителей обрядовых и праздничных действий в зооморфные образы, в различные человеческие, в том числе воображаемые, персонажи посредством костюма, грима и маски.

Заключение. На основе анализа ритуально-обрядовых и праздничных действий мордвы определены функции предсценографии, а также специфика ее функционирования.

Ключевые слова: мордва; предтеатр; предсценография; театрализация; ритуально-обрядовые и праздничные действия.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Мордовия в рамках научного проекта «Ценностные доминанты финно-угорской культуры и способы их актуализации в современном социуме» (№ 18-49-130003).

Для цитирования: Антипкина Е. Н., Прокаева О. Н. Особенности функционирования предсценографии в ритуально-обрядовых и праздничных действиях мордвы // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 81–89.

Введение

Театр, как и любое другое искусство, историческими корнями уходит в древние формы культуры человечества, когда согласно «большому закону семантизации (или формообразования)» искусство рождалось до искусства, театр до театра [8, 57].

Истоки театрального искусства заложены в различных празднествах, а также религиозных представлениях наших предков, которые одушевляли природные явления и специфически «общались» с богами, что проявилось и утвердилось в обрядовых и ритуальных действиях. Однако

сами по себе такие действия являлись не театром в современном понимании, а театрализацией (другими словами, предтеатром). Театр и театрализация, по мнению В. Н. Всеволодского (Гернгросса), – «разные фазы в развитии одного и того же явления» [4, 58], но в их основе заложено игровое начало и в своем распоряжении они имеют общие способы «подмены, постановки, отождествления» [7, 21].

Понимая под театрализацией «разную степень театральности народных действий», надо иметь в виду, что в одних обстоятельствах это будут «только элементы театрализации в обряде (они со временем могут стать частью искусства, свободного от обрядности), а в других – театрализованные действия (представления в аграрных праздниках более позднего периода)» [3, 16–17].

Театрализации свойственны черты традиционного искусства: коллективность, устная передача опыта, импровизационность, вариативность, каноничность. Ее особыми признаками можно считать бифункциональность (связь с мифологией) и неразрывность драматургии и представления, танца, песни и музыки. Равноценной и тождественной данным видам единого ритуально-обрядового действия и праздника была предсцениграфия, трансформировавшаяся впоследствии в сцениграфию как вид искусства.

Предсцениграфия в ритуально-обрядовых и праздничных действиях выступала в качестве их оформления и охватывала «материально-вещественную часть» представления. Выявляя особенности предсцениграфии в названных действиях мордвы, в качестве методологической основы мы использовали функциональную систему крупного отечественного театроведа В. И. Березкина, выделившего три основные функции сцениграфии.

Игровая функция предполагает непосредственное участие сцениграфии и отдельных ее элементов (костюма, грима, маски, вещи) в преображении облика актера и его игре. Функция обозначения места действия – организацию (создание, изображение, воспроизведение и т. п.) места, где происходят события спектакля. Персо-

нажная функция – разнообразное включение сцениграфии в сценическое действие, в том числе в качестве материально-вещественного, пластического, изобразительного, всякого иного «персонажа», воплощающего в контексте спектакля тот или другой его идейно-художественный мотив, тему, обстоятельства, силы драматического конфликта [2, 9]. По мнению автора, первым типом функционирования предсцениграфии является персонажный, представляющий некую вещь как персонаж ритуально-обрядового и праздничного действия, как материализованное метафорическое воплощение образа; вторым – определение места действия обрядов и празднеств исходя из условий жизни и окружающей среды того или иного народа; третьим – игровой, трансформирующий внешний вид исполнителей и их игру с помощью костюма, грима, маски и т. д. [2, 12].

Данная функциональная система имеет универсальный характер и в предлагаемом исследовании используется для анализа предсцениграфии «театральных» действий мордвы.

Обзор литературы

Теоретическим и методологическим материалом работы послужили исследования, в которых прослеживаются этапы становления театра от предтеатра и сцениграфии от предсцениграфии. Это фундаментальные труды отечественных историков театра В. И. Березкина и В. Н. Всеволодского (Гернгросса). Терминологический корпус статьи позволили выстроить работы французского театроведа П. Пави, а также советского фольклориста О. М. Фрейденберг и российского этнографа И. А. Морозова.

Одним из первых комплексных исследований ритуально-обрядовых действий мордвы стала работа П. И. Мельникова-Печерского «Очерки мордвы». Важное значение в изучении народного театрального искусства мордвы имеет фундаментальный труд искусствоведа и театроведа В. С. Брыжинского «Народный театр мордвы», в котором творчество народа представлено в диахронном и синхронном аспектах. От-

дельные элементы драматического искусства в традиционной культуре мордвы, а также специфика определенных обрядов рассмотрены в статьях Ю. Г. Антонова и Г. А. Корнишиной.

Материалы и методы

Материалом исследования явились особенности функционирования предсцениграфии в ритуально-обрядовой и праздничной культуре мордвы. Основу методологии исследования составил социокультурный подход, интегрирующий накопленный исследовательский материал из различных областей гуманитарного знания (истории, этнографии, театроведения, искусствоведения и т. д.), а также метод интерпретации, раскрывающий смысловое содержание понятий «театрализация», «предтеатр» и «предсцениграфия». Системно-типологический метод позволил выявить основные функции предсцениграфии, аналитический – раскрыть их особенности на примере ритуально-обрядовых и праздничных действий мордвы.

Результаты исследования и их обсуждение

Основные функции предсцениграфии самобытно выражены в предтеатре мордвы и зафиксированы в различных регионах проживания народа в России. Они проявлялись в земледельческих, семейно-бытовых, поминальных обрядово-ритуальных и других действиях, основываясь на мифологических представлениях и магических ритуалах и постепенно приспосабливаясь к православию. Со временем все эти действия преобразовались «в праздничные театрализованные представления, соединив магические воззрения, церковные элементы и эпизоды из реальной жизни народа» [1, 320].

Первая функция предсцениграфии – персонажная, включающая разнообразные материально-вещественные компоненты. Это мог быть определенный метафорический образ, который раскрывал то или иное содержание действия. Таким персонажем являлся, например, огонь как символ солнца. Перед Рождеством мордва в обря-

довых действиях обращалась к ритуальному огню, что могло означать его рождение в начале года от солнечной энергии, воплощением которой выступала зажженная священная свеча.

Модификация образа огня – «рождественское полено», которое хозяйка дома обычно зажигала в сочельник, когда приступала к приготовлению праздничной трапезы. Разведение огня требовало соблюдения определенных ритуалов: свечой зажигали березовую лучину, при этом просили у богов хороший урожай, а затем «горящей лучиной зажигали дрова в печи и головню от прошлогоднего полена. На головню клали новое березовое полено, которое тлело в загнетке печи три дня» [5, 83].

Важным персонажем того или иного действия могли выступать различные явления и продукты природы, например дерево, связанное с древним культом растительности и плодородия, чаще всего береза. В некоторых свадебных обрядах березовыми ветками декорировали повозку молодоженов, а их самих хлестали прутьями данного дерева. Праздник «Проводы весны» («Тундонь ильтямо») включал карнавальное шествие, состоявшее из многочисленных ритуальных и игровых действий. Обязательным персонажем в них была наряженная цветными лентами и платками береза как олицетворение весны. Праздничная процессия несла ее до хлебного поля или реки, где и завершалась церемония проводов весны.

Особое место в предсцениграфии занимали антропоморфные и зооморфные персонажи, созданные специально для календарных обрядово-ритуальных и праздничных действий. Антропоморфным образом можно назвать хлебный сноп. После окончания жатвы народ устраивал поминальный обряд, отражающий заботу об умерших родственниках и возможность обращения к богам с пожеланием иметь богатый урожай в следующем году. Участники обряда срезали колосья с выделенного места на поле и вязали их в сноп, который символизировал поминаемых людей. Сельский староста ставил сноп на середину участка, служившего местом действия,

при этом плакальщицы причитывали. В то же время сеяльщики – третьи участники обряда – «засевали» место мякиной, означавшей зерновые семена. Ритуал завершался хороводом вокруг снопа и песнями в память умерших предков.

Сноп как персонаж был представлен на популярном празднестве мордвы осеннего цикла «Дом девичьего пива» («Тейтерень пия кудо»), который посвящался окончанию полевых работ. Из отборных пшеничных и просяных колосьев вязали два снопа, олицетворявших в драматизированных действиях главных персонажей-молодоженов: «мужа» (пшеничный сноп) и «жену» (просяной сноп). В конце действия появлялись «дети» – «мальчик» (чашка пшеницы) и «девочка» (чашка проса). Неомолоченные снопы символизировали «хлебных подруг», управлявшие ими молодые люди, образывая круг и медленно двигаясь, имитировали хлебное поле [3, 68].

Некоторые персонажи символизировали уходящее время года, плодородие и др. Так, персонаж Сношеньки (*Потишкат*), участвовавший в празднестве «Проводы весны», означал тесную связь человека с природой. Крапивная Сношенька олицетворяла молодую цветущую женщину, детородящую мать и представляла собой чучело, одетое в отдельные элементы женского традиционного костюма. В качестве охраны персонаж сопровождали ряженные, державшие в руках крапиву. Участники празднества должны были пробиться через них к Сношеньке и дотронуться до нее, чтобы получить «определенные блага». Конопляная Сношенька – это образ зрелой женщины, одетой в праздничный национальный костюм. Такое чучело, изготовлявшееся пожилыми мордовками, ассоциировалось с прощанием с весной, в том числе с их молодостью.

Пример зооморфного персонажа – конь. С ним были связаны надежды на благосклонность природы и щедрость солнца. У мордвы во многих обрядах чучело животного поднималось на верхушку дерева и почиталось как солнце. Конь являлся центральной фигурой многих весенних обрядовых празднеств (Масленица, Пасха, Троица). Так, в обрядах Троицкого

цикла мужчина, возглавлявший шествие, нес на палке голову «животного», сделанного из двух палок, соединенных свитыми из мочала жгутами.

Персонаж коня занимал важное место в празднестве «Рождественский дом» («Роштовань кудо»). Чучело изготавливали из грубого полотна, рогожи, прутьев, обручей и лесенки. Голове придавали максимальное сходство с реальным животным. В других случаях насаживали на палку настоящий череп лошади, на который натягивали разрисованный холст. Конструкция приводилась в движение молодыми людьми.

В качестве персонажей предсцениграфии могли выступать различные предметы материальной культуры мордвы: орудия труда, домашняя утварь и др. Являясь частью обрядового действия или празднества, они несли в себе определенные смыслы. Например, украшенный лентами плуг во время «Моления плуга» («Кереть озкс») означал начало пахоты весной.

Все названные персонажи неотделимы от исполнителей обрядов и празднеств, в игре которых зарождалось режиссерское и актерское мастерство. Режиссером-организатором (*аньдямот, покикеть, отоманкат, казакт*) и одновременно исполнителем «главных ролей» в ритуально-обрядовых действиях, а позднее в празднествах мордвы были люди, которые хорошо знали процесс их проведения, обладали творческим талантом, находчивостью, импровизационными и организаторскими способностями.

Важно отметить, что персонажная функция предсцениграфии была тесно связана с игровой, они могли переходить друг в друга, демонстрируя то и другое одновременно и образуя так называемую персонажно-игровую функцию [2, 30].

Вторая функция предсцениграфии предполагала обозначение места, в котором разворачивались обрядово-ритуальные и праздничные действия мордвы. Она предусматривала не просто разъединение (или объединение) зрителей и исполнителей в определенном пространстве, а заранее выбранные «священные места» проведения обрядов или игровые площадки.

Местом действия могла быть окружающая человека среда (лес, роща, поляна, поле, улица, гумно, двор, дом и т. д.).

Важную роль в жизни мордвы играли религиозные обряды – сельские общинные моления (*вель-озкс*), проводимые в лесах, рощах и на лесных полянах. В ходе обряда участники заручались покровительством богов в получении необходимых жизненных благ для общины в целом и семьи в отдельности. Подобные действия, отличавшиеся массовостью, зрелищностью, сложностью и красочностью церемоний, разворачивались на поляне в окружении священных деревьев, на специальных площадках. П. И. Мельников-Печерский отмечал служившую для этих целей «небольшую четырехугольную ровную площадку, сажен в 20–30 длины и столько же ширины» [6, 444–445].

Мордвой Саратовский губернии общинные моления совершались на чердаке специального ритуального дома – места, предназначенного для организатора праздника и исполнителя роли того или иного бога (*озатя*), реализующего «божественную миссию». Выбор места в данном случае определялся тем, что почитаемые божества были невидимыми для людей, поэтому *озатя* скрывался от участников представления на чердаке.

В поминальных обрядах местом проведения драматизированных представлений были специальные сценические площадки, которые в зависимости от сюжета сооружались на гумне, улице, во дворе, в доме и др. Руководил действием так называемый заместитель поминаемых предков (*васта-озай*). Так, на гумне разыгрывалась сцена «рубки леса», необходимого для строительства в загробном мире. В середине расчищенного круга в землю закапывали ветки деревьев, означавшие участок строевого леса и являвшиеся персонажем. Вокруг всей площадки «располагались зрители, которые наблюдали как “заместитель” заготавливал “бревна” для перевозки их “на тот свет”, где лес не произрастал» [3, 45–46]. Затем срубленные ветки переносили в дом, где разыгрывалась вторая сцена. В центре избы ставили маленькую бочку, к которой вертикаль-

но прикрепляли ветки, а рядом зажигали небольшой костер. Через него участники обряда должны были прыгать, тем самым проходя специфическое очищение. Существовали и зрительские места, размещенные вокруг площадки.

Полевые работы мордвы завершались важным осенним празднеством – «Дом девичьего пива». Для его проведения подбирали большой дом для представлений, который тщательно убирали и украшали вышитыми полотенцами. В центре помещения сооружали сценическую площадку. Специальный дом как место действия выбирали и для зимнего празднества «Дом плясок» («Кштимань кудо»), где также оборудовали сцену, костюмерную, устанавливали занавес.

В драматизированных весенних празднествах «Заыв весны» («Тундонь сееремат»), посвященных жаворонку (*норов-жорч*), игровыми площадками служили первые проталины и плоские крыши. На них девушки имитировали полет птиц и исполняли песни, в которых зазывали жаворонков, отождествляя их прилет с приходом весны.

Местом действия могло быть пространство, в котором подлежали обыгрыванию отдельные природные элементы (например, дерево). Вель-озксы у мордвы Нижегородской губернии проходили на специфических «площадках-возвышениях», т. е. на дереве. Выбор «сцены» определялся статусом бога, которому посвящалась та или иная часть обряда. Главному богу предоставлялась самое высокое место – крона дерева, откуда ему необходимо было вести диалог с людьми. Человек, игравший эту роль, в зависимости от расстояния до зрителей должен был повышать или понижать голос.

Разновидностью вель-озксов являлись *сараз-озксы* – общинные моления, в основе которых лежало прошение исполнителями ритуального действия у священных деревьев (липы, дуба, березы) о покровительстве домашним животным и хорошем урожае. *Озатя*, преобразившись в божество, исполнял определенные роли согласно сценарию, а игровой площадкой служили названные деревья. Спрятавшись в

ветвях, на словесную просьбу народа он отвечал символическими подарками: листья липы, имитировавшие оладьи, означали хлеб; недоуздки – лошадей; напиток из меда – дождь и т. д.

Участниками действия обязательно были музыканты, от игры которых зависело настроение праздника. Выступали они на специальных площадках, которыми могли быть дверь, ворота и др. Исполнители становились на них сначала на колени, по ходу действия вставали во весь рост, а в кульминационный момент мужчины поднимали их вместе со «сценой» с земли и держали над головой [3, 28].

Таким образом, предсценическое место обрядовых и праздничных действий мордвы представляло собой окружающее человека природное, производственное и бытовое пространство, в котором сознательно выделялись специальные места для проведения обряда и игровые площадки, нередко обособленные от зрителей.

Третья функция предсцениграфии – игровая, в которой на первый план выходил элемент перевоплощения исполнителей обрядовых и праздничных действий в те или иные образы посредством костюма, грима и маски.

В игровой предсцениграфии была широко распространена имитация зооморфных существ, прежде всего медведя и коня.

Медведь – это тотемное животное мордвы, носитель добра в человеческих отношениях. Данный образ часто встречался в свадебных обрядах. Роль медведя исполняла пожилая женщина (свекровь, крестная мать жениха и др.), с помощью разнообразных ритуалов способствовавшая «привлечению» богатства и плодородия к новобрачным. Под руководством «медведя» ряженные разыгрывали различные сцены, цель которых заключалась не только в том, чтобы приобщить новобрачную к хозяйству, но и в том, чтобы научить ее строить отношения в семье.

Существовало два вида маскировки медведем («Рождественский дом», «Дом плясок», «Проводы весны»). Первому виду соответствовал следующий костюм: овчинная шапка, вывернутая наизнанку овчинная шуба, подпоясанная пеньковой

веревкой, черные шерстяные варежки и подшитые валенки; на лицо накладывался грим из сажи, который оставлял «медвежьи метки». Второй вид составлял тот же костюм, но вместо грима применялась так называемая личина (*чамакс*) – белый тюль с отверстиями для глаз [3, 94].

Повсеместное развитие у мордвы получили обряды, в которых конь как объект поклонения был представлен ряженьем в животное. Так, во время праздника «Проводы весны» мужчины наряжались конем, на шею которого вешали колокольчик.

Костюмно-масочное ряжение могло предполагать перевоплощение в те или иные человеческие персонажи. Так, у мордвы существовал обряд «Свадьба по умершему», который был связан с игрой и преображением его участников в жениха и невесту, не успевших до своей смерти обрести семью. Если умирала девушка, роль невесты обычно исполняла близкая подруга покойной, а роль жениха – юноша (иногда настоящий жених). На исполнителей надевали свадебные костюмы.

В поминальном обряде мордвы «заместитель» покойного (*васта-озай*) исполнял роль «посредника» между потомками и мудрыми, авторитетными предками. Внешне он должен был походить на умершего человека, что требовало в процессе ряженья максимума фантазии и создания узнаваемых черт, например усов, очков, а также привычек и т. д. Данный персонаж въезжал в село на коне, спина которого была покрыта белым траурным полотном, или приходил в образе странника с посохом в руке, что означало дальнюю дорогу. В другом поминальном обряде, устраиваемом после жатвы хлеба, традиционные образы – староста, сеяльщики и плакальщицы – имели специфические детали в костюме. Так, на лицо старосты надевали конопляную бороду, на шею – круглую дощечку, что означало власть, а также длинный кафтан и широкий кушак, на шею плакальщиц – белые холщовые полотенца, что символизировало траур, а на сеяльщиков – подпоясанные рубахи, старые шапки и лапти.

Игровая функция предсцениграфии представлена игровым преображением

ем исполнителей обрядовых и праздничных действий в тот или иной воображаемый образ, например в образ Весны как символ любви и плодородия. В молодежных празднествах, посвященных ей, девушки рядились в мужчин, а мужчины – в женщин. Те и другие одевались в рваную одежду, к которой подвешивали различные предметы из металла и листья папоротника, а лица покрывали масками лесных жителей. Традиционный образ Старика – участника праздника «Проводы весны» требовал наличия у исполнителя в одних случаях седой бороды из кудели, усов, шапки-ушанки, холщовой рубахи, подпоясанной пеньковой или мочальной веревкой, залатанных ватных брюк, подшитых валенок или лаптей, а в других – старой капроновой шляпы, поношенного кителя, брюк-галифе, ботинок с обмотками [3, 141].

Существовали костюмы, отражающие особое положение исполнителя среди других участников праздничных действий. Так, костюм *Отманкат* – режиссера и главного действующего лица осеннего праздника «Дом девичьего пива» включал войлочную шляпу, расшитую бисером, мишурой и блестками, ожерелье из серебряных монет, красную фату, черный кафтан-восьмиклинку, подпоясанный кушаком, и сафьяновые сапоги. Обязательным атрибутом образа была нагайка с бисерными ручками, в других случаях – шашка.

Одним из древних способов игрового преобразования являлись маски. В них с наибольшей наглядностью концентрировалась театральная игровая форма многих обрядов и празднеств, и использовались они не только «в связи с антропологическими мотивами... но и по многим другим соображениям, в частности, чтобы иметь возможность наблюдать за окружающими...»¹.

В обрядовых и праздничных действиях мордвы маски служили для того, чтобы показать существ, олицетворяющих добро или зло. По сути они в концентрированной форме отражали воззрения народа и содержание ритуала.

В отдельную группу масок можно выделить так называемые маски страха, призванные, во-первых, «бороться» со стихийными бедствиями, с различными страхами (голода, болезни или смерти) и побеждать их, а во-вторых, выступать положительной воспитательной силой, направленной на искоренение нарушений норм народной этики. Так, «Моление от эпидемий» («Стака мор-озкс») включало борьбу с маской холеры, созданной из бересты. Болезнь отождествлялась с обликом злой женщины (некрасивое сухое лицо с большими глазами и широким ртом). На маску наносили грим: щеки красили сажей, глаза и рот подводили углем, прикрепляли волосы, изготовленные из спутанной конской гривы. В «Молении от саранчи» («Цирькун-озкс») олицетворением зла являлась маска саранчи. Символизирующая голод саранча изгонялась раздетыми доната-женщинами во время исполнения танца-заклинания [3, 52].

Маски страха встречались в молодежных представлениях, организуемых в период Страстной недели перед Пасхой, для передачи страшных мифологических образов. Помимо масок применялся грим, состоявший из сажи, муки, красок, свеклы, использовались также конский волос и картофельные зубы. Осенние маски страха изготавливались из полых тыквы, в которой вырезались глаза, нос, рот, острые зубы, а во внутрь вставлялась зажженная свеча. Затем она насаживалась на крестовидный стержень, облаченный в кафтан.

Бытование маски в аграрных празднествах мордвы постепенно трансформировалось и стало связующим звеном между древними обрядами и календарно-праздничными представлениями, имевшим этическое предназначение. В рождественских празднествах главным действующим лицом выступала Бабушка Рождества (*Роштова-баба*). Ее маска и костюм были яркими, а роль исполнялась высоким худым молодым человеком, отличавшимся находчивостью и остроумием. Его лицо гримировалось до неузнаваемости: глаза подводились углем, щеки и губы красились свеклой, а лоб и уши – сажей. Костюм персонажа состоял из элементов традици-

¹ Пави П. Словарь театра. Москва, 1991. С. 171.

онной женской одежды: головного убора «панго», вывороченной шубы и лаптей с волочащимися по полу онучами. Обязательным атрибутом данного образа было «орудие наказания» – пест для устрашения нерадивых людей [3, 71]. Маска Бабушки Покрова (*Покров-баба*) использовалась на празднике в честь Покрова Пресвятой Богородицы. В роли данного образа выступала обычно пожилая женщина, лицо которой покрывалось маской из куска холста с отверстиями для глаз, рта и носа. Костюм составляли шапка из овчины, драный пиджак или шуба, подпоясанная конопляным поясом, и валенки. Главным атрибутом служил банный веник, который предназначался для наказания ленивых женщин и озорных детей.

Таким образом, в театрализации обрядовых и праздничных действий мордвы

было представлено довольно большое разнообразие костюмов, грима, масок, которые не только создавали внешний образ персонажа, но и, соединяясь с исполнительским мастерством участников, становились важными элементами игры.

Заключение

В предтеатре мордвы специфически отражены три функции предсцениграфии: персонажная, обозначения места действия, игровая. В ходе исторического развития они охватили всю материально-вещественную часть видимого образа ритуально-обрядовых и праздничных действий, объединив все, что окружало участников и что служило преобразению их внешности, а впоследствии трансформировались в сцениграфию как вид искусства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонов Ю. Г. Элементы драматического искусства в мордовском календарно-обрядовом фольклоре // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 5 (85). С. 319–325.
2. Березкин В. И. Искусство сцениграфии мирового театра: От истоков до начала XX века. Москва: ГИИ, 1995. 252 с.
3. Брыжинский В. С. Народный театр мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. 168 с.
4. Всеволодский (Гернгросс) В. Н. История русского театра: в 2 т. Москва; Ленинград: Теа-Кино-Печать, 1929. Т. 1. 576 с.
5. Корнишина Г. А. Дом и ритуал в традиционной культуре мордвы // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 2 (18). С. 80–85.
6. Мельников-Печерский П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы // Полное собрание сочинений. Санкт-Петербург, 1909. Т. 7. С. 410–486.
7. Морозов И. А. «Игра» и «ритуал» в современном научном дискурсе // Традиционная культура: науч. альманах. Москва, 2001. № 1. С. 20–28.
8. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Москва: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998. 800 с.

Поступила 12.12.2019, опубликована 18.05.2020

FEATURES OF PRE-SCENOGRAPHY FUNCTIONING IN THE CEREMONIAL, RITUAL FESTIVE EVENTS OF THE MORDOVIANS

Elena N. Antipkina,

Candidate of Sc. {Philosophy}, Associate Professor, Department of theater art and folk art culture, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), elana19@mail.ru

Olga N. Prokaeva,

Candidate of Sc. {Philosophy}, Associate Professor, Department of Cultural Studies and Library and Information Resources, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), naukaink@rambler.ru

Introduction. Ritual, ceremonial and festive events of the Mordovians represent a sphere of concentration and representation of spiritual-moral and value-oriented views of the people. They contain the origins of theatre and scenography as types of art. However, they cannot be considered as independent types of art in its modern meaning, as they used to exist in forms of theatricalization (pretheater) and pre-scenography. The subject of the article is the specifics of the functioning of pre-scenography in ceremonial, ritual and festive events of the Mordovians, as well as the disclosure of its main types: character type, determination of the place of action and game type.

Materials and Methods. The theoretical materials are based on the research in the field of theatre and scenography. The reliability and academic validity of the research are ensured by the sociocultural approach, as well as by research methods, namely system-typological method, analytical method and interpretation method.

Results and Discussion. Having studied the functioning of pre-scenography in ritual, three types of ceremonial and festive events of the Mordovians are revealed. The character type included a variety of components: metaphorical image, nature phenomena and objects, anthropomorphic and zoomorphic images, as well as objects of material culture. The next type determined the place of action which included everyday human environment, as well as production and household spaces. The game type implied conversion of performers of rituals and ceremonies into zoomorphic images, into various human (sometimes imaginary) characters through costumes, makeup and masks.

Conclusion. Based on the analysis of the ritual, ceremonial and festive events of the Mordovians, a typology of pre-scenography is given, the special features of its functioning are determined.

Keywords: Mordovians; pre-theater; pre-scenography; theatricalization; ritual; ceremonial and festive events.

Acknowledgement: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and Government of the Republic of Mordovia in the framework of the scientific project "Value Dominants of Finno-Ugric Culture and the Methods of Their Updating in Modern Society" (No. 18-49-130003).

For citation: Antipkina EN, Prokaeva ON. Features of pre-scenography functioning in the ceremonial, ritual festive events of the Mordovians. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 1: 81–89. (In Russian)

REFERENCES

1. Antonov YuG. Elements of dramatic art in Mordovian calendar and ritual folklore. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* = Tambov University Review. Series Humanities. 2010; 5; 85: 319–325. (In Russian)
2. Berezkin VI. The art of scenography of the world theater. From the origins to the beginning of the twentieth century. Moskva; 1995. (In Russian)
3. Bryzhinsky VS. People's Theater of Mordva. Saransk; 1985. (In Russian)
4. Vsevolodsky (Hemgross) VN. History of Russian theater. Moskva; Leningrad; 1929: 1. (In Russian)
5. Kornishina GA. House and ritual in the traditional Mordovian culture. *Gumanitarii: aktualnye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Humanities: Actual problems of the humanities and education. 2012; 2; 18: 80–85. (In Russian)
6. Melnikov-Pechersky PI (Andrey Pechersky). Essays Mordovians. *Polnoe sobranie sochinenii* = Complete works. Sankt-Peterburg; 1909: 7: 410–486. (In Russian)
7. Morozov IA. "Game" and "ritual" in modern scientific discourse. *Traditsionnoe iskusstvo: Nauch. almanakh* = Traditional culture. Scientific almanac. 2001: 1: 20–28. (In Russian)
8. Freidenberg OM. The myth and literature of antiquity. Moskva; 1998. (In Russian)

Submitted 12.12.2019, published 18.05.2020